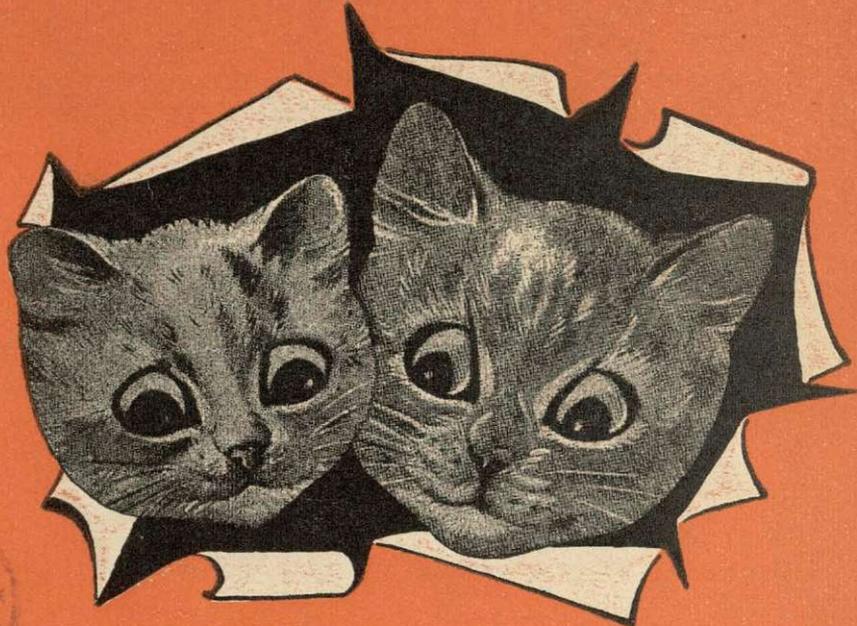

№ 22

СЕНТЯБРЬ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КОРСИКАНСКІЕ ПИРАТЫ.

ОСЕНЬ.

ПОДКИДЫШЪ (повѣсть).

ВЪ УСАДЬБѢ.

НА ВОЛГѢ.

РЕБУСЪ, ШАРАДА И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

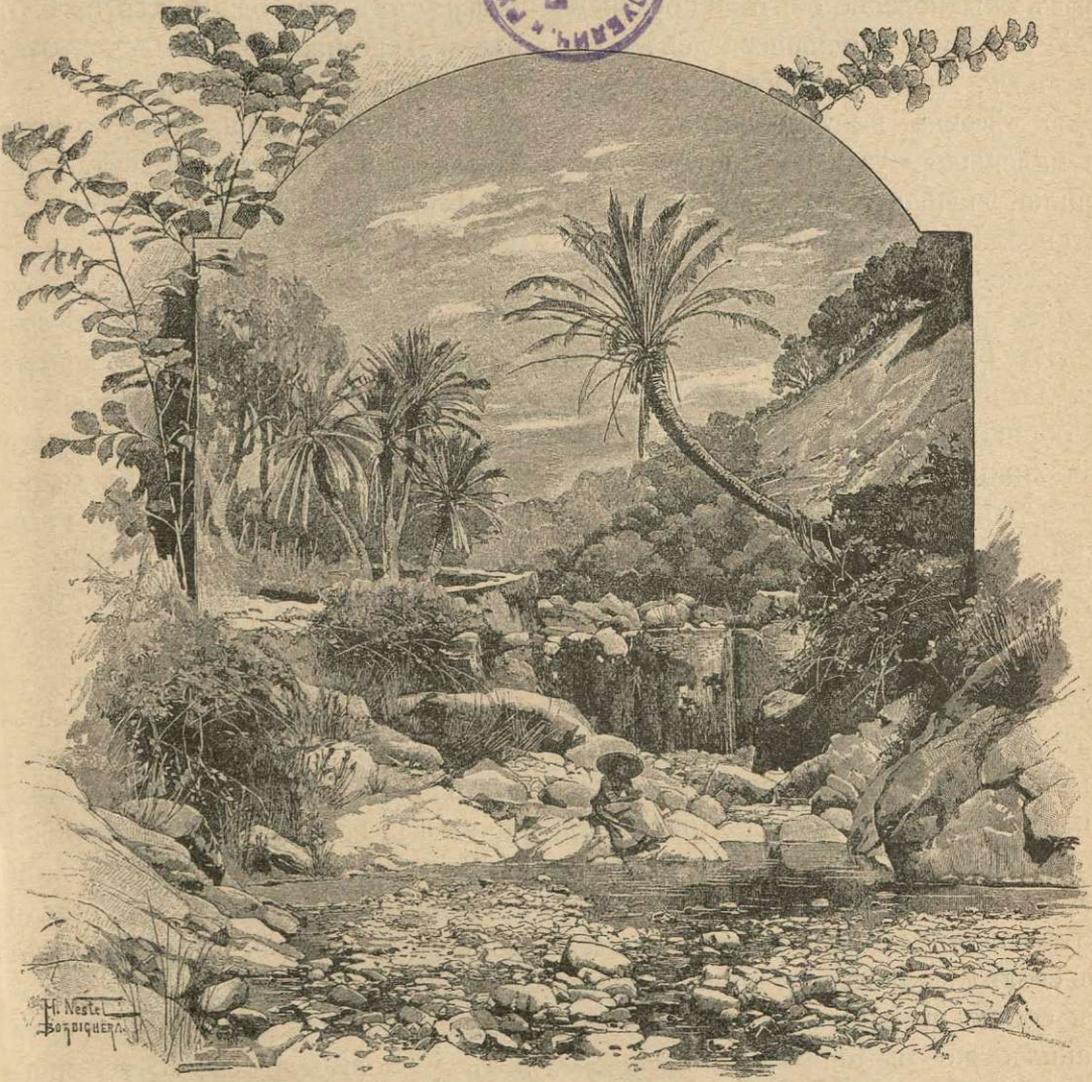

№ 22. Сентябрь. 1908.

Два раза въ мѣсяцѣ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Въ Южной Итали.

КОРСИКАНСКІЕ ПИРАТЫ.

На высокой скалѣ, о которую, ни на минуту не переставая, разбиваются синія волны Средиземнаго моря, не такъ давно находился одинъ изъ тѣхъ жалкихъ домиковъ, въ которыхъ обыкновенно обитали корсиканскіе рыбаки, занимавшіеся ловлей коралловъ. Прямо къ песчаному берегу вела лѣсенка, вырубленная въ скалѣ, и маленькая, узенькая, крутая тропинка, вившаяся между камней, составляла единственную дорогу, которая соединяла эту скалу съ твердой землей материка.

Это было жилище собирателя коралловъ Паскаля. Невдалекѣ стояли особнякомъ еще три или четыре другія хижины, такія-же, какъ и у него. А кругомъ на далекое пространство тянулась пустыня и не было замѣтно ни единого признака человеческого присутствія.

Паскаль трудился очень мало; его станокъ, за которымъ онъ полировалъ кораллы, часто стоялъ покрытый толстымъ слоемъ пыли, а его сѣти, все время висѣвшія для просушки у крыльца, рѣдко когда погружались въ воду. Но когда наступалъ сезонъ для ловли коралловъ, онъ садился въ свою лодку «Жемчужина» и, взявъ съ собою пятерыхъ своихъ сосѣдей, такихъ же рыбаковъ, какъ и онъ самъ, отправлялся въ море далеко къ Итальянскимъ берегамъ, доходилъ подъ парусами до самой Марсели и

съ хорошими деньгами возвращался обратно къ себѣ на скаду.

Въ одно изъ такихъ путешествій Паскаль попалъ во Францію, къ берегамъ цвѣтущаго Прованса, и женился тамъ на одной дѣвушкѣ, по имени Терезина. Она была сирота и кромѣ брата, который былъ моложе ея, и старушки няни, которую звали Магдалиной и которая воспитала ихъ обоихъ, она не имѣла на свѣтѣ никого.

— Ты научишь меня, какъ полировать кораллы, сказала Терезина своему молодому мужу.—Это займетъ мое время и когда ты отправишься въ море, я не буду безъ тебя скучать.

Но когда она вступила въ хижину своего мужа, она не увидала въ ней ровно ничего, что напоминало бы ей о здоровой дѣятельности труда. Паскаль сталъ спать по цѣлымъ днямъ; какіе-то чужіе люди приходили къ нему и, оглядываясь по сторонамъ, точно боясь, чтобы кто-нибудь ихъ не подслушалъ, разговаривали съ нимъ на языкѣ, котораго она не понимала. И Терезина начала скучать. Ея лицо затуманилось печалью. Къ счастью, Богъ далъ ей дочь, которую она назвала Мирелью, и съ этой минуты молодая мать стала дни и ночи проводить у колыбели своего ребенка и перестала себя чувствовать одинокой.

Паскаль тоже любилъ свою дочь безъ ума.

Прошло нѣсколько лѣтъ; однажды утромъ, Терезина, ставшая блѣдной, какъ воскъ, и худой и все кашлявшая отъ какой-то болѣзни, съ такимъ отчаяніемъ посмотрѣла на Паскаля, что онъ не могъ вынести этого ея взгляда, поблѣднѣлъ и задрожалъ и уже съ этой минуты никогда больше не задавалъ ей никакихъ вопросовъ. А Терезина все продолжала и продолжала чахнуть и наконецъ свалилась совсѣмъ. Предчувствуя скорую кончину, она написала къ своему брату въ Провансъ письмо съ просьбой какъ можно скорѣе прислать къ ней старушку-няню Магдалину.

Когда старушка приѣхала, умирающая что-то долго говорила ей по секрету; а затѣмъ Паскаль уѣхалъ.

Когда онъ возвратился, она успѣла только взять съ него обѣщаніе, что онъ будетъ заботиться о Магдалинѣ и что позволить Мирели уѣхать къ своему дядѣ въ Провансъ, потому что для нея вреденъ климатъ Корсики, и умерла.

У нея была чахотка.

Паскаль отправилъ свою дочь въ Провансъ и затѣмъ каждую осень ѣздилъ туда ее навѣщать. И каждый разъ онъ находилъ, что она становилась все красивѣе и красивѣе. Черная лента, которую женщины Прованса обыкновенно носятъ на головѣ, очень шла къ ея блѣдноватому лицу; ея глаза, взглядъ, ея улыбка—все это было въ ней красиво и напоминало ему ея мать.

Въ тотъ день, съ котораго начи-

нается этотъ рассказъ, море было бурно, вѣтеръ дулъ съ неимовѣрной силой и громадныя черныя облака, перегоняя другъ друга, ползли по небу.

Магдалина сидѣла у прялки, вертѣла ея колесо и то и дѣло поглядывала въ окошко на горизонтъ. Какъ вдругъ кто-то сталъ подниматься по лѣстницѣ съ моря.

— Здравствуй, Магдалина, обратился къ ней пришелецъ.—Гдѣ твой хозяинъ?

И, не дожидаясь отъ нея отвѣта, онъ сталъ кричать:

— Паскаль! Паскаль!

Дверь въ сосѣднюю комнату открылась и въ ней показался Паскаль.

— Я здѣсь!.. отвѣтилъ онъ.—Чего тебѣ?

— Я долженъ кое-что сказать тебѣ наединѣ!

И оба они вышли.

А тѣмъ временемъ настала ночь и, все время прячась за выступами скалъ, Паскаль и его гость смотрѣли куда-то вдаль, точно стараясь что-то разглядѣть въ мрачной дали моря.

Затѣмъ Паскаль какъ-то особенно свистнулъ; тогда изъ-за другихъ утесовъ вышли четыре другихъ его сосѣда, высокіе, сильные, полу-нагіе. Они представляли собою красивую, но отталкивающую картину.

Это были товарищи и матросы Паскаля. Они говорили между собою шепотомъ, точно боялись, чтобы ихъ не услышали даже волны.

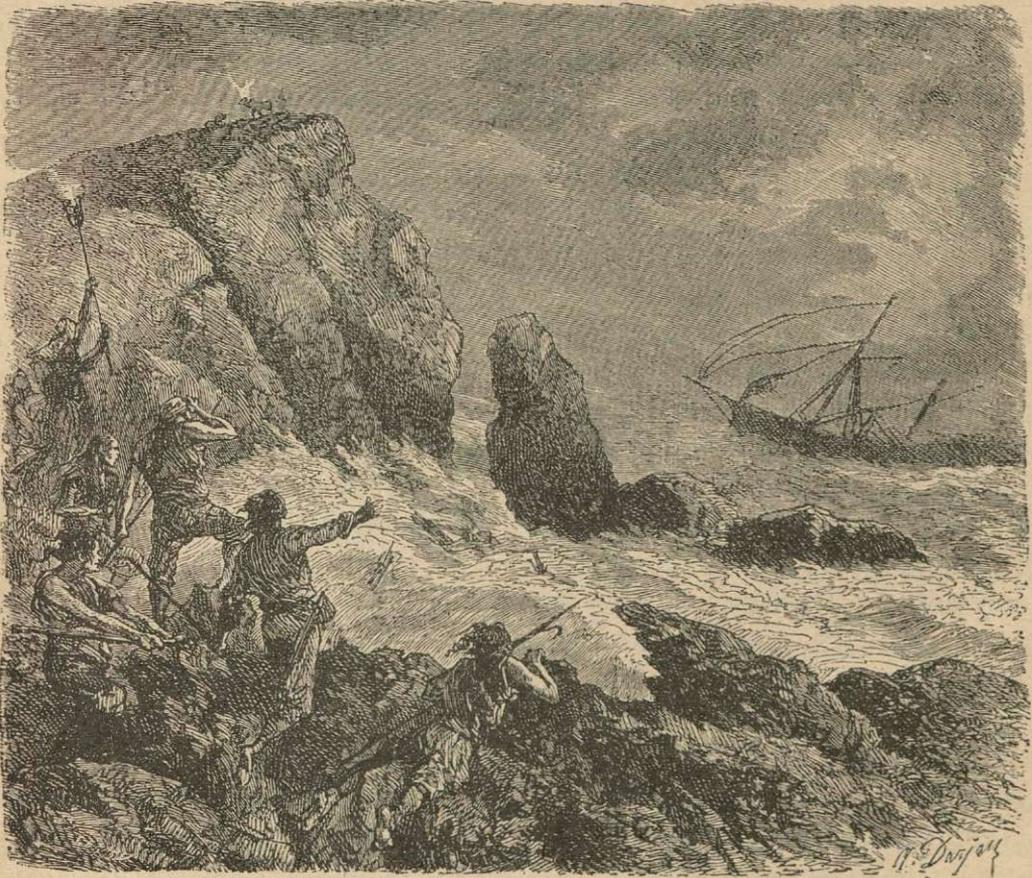
— Все готово? спросилъ Паскаль.

— Все, хозяинъ.
 — Багры?
 — Они здѣсь.
 — Факелы?
 — Они тоже здѣсь.
 — Въ такомъ случаѣ впередъ! ско-
 мандоваль Паскаль.—За дѣло!

между камней и не спускали алчныхъ
 глазъ съ корабля, который съ разор-
 ванными парусами и съ подломанны-
 ми мачтами терпѣлъ бѣдствіе въ от-
 крытомъ морѣ.

Они хотѣли его ограбить.

— Подайте помощь! кричали на

— Подайте помощь! кричали на корабль.

Страшный ураганъ съ яростью про-
 неся надъ моремъ и оно, точно сор-
 вавшись съ привязи, бросилось на
 прибрежные скалы и утесы съ такими
 ударами, что было похоже на громъ.
 А Паскаль и его товарищи, точно
 демоны, пробирались въ это время

кораблѣ.—Иначе мы погибли! У насъ
 плывутъ женщины и дѣти и мы не
 въ состояніи ихъ спасти!

— За дѣло! скомандоваль Паскаль.

Его спутники зажгли факелы и
 стали махать ими въ воздухъ и кри-
 чать, чтобы сбить корабль съ толку

и направить его на то мѣсто, гдѣ онъ неминуемо долженъ погибнуть.

Ужасный трескъ и крики отчаянія раздались вдругъ надъ бушевавшими волнами. Саженьяхъ въ двадцати отъ берега корабль дѣйствительно попалъ на камни, разбился, далъ течь и сталъ потихоньку погружаться въ море.

Тотчасъ-же Паскаль и его товарищи бросились къ камнямъ и перескакивая съ рифа на рифъ, близко подбѣжали къ погибавшему кораблю. Каждый камень, каждый выступъ былъ имъ извѣстенъ. Съ помощью своихъ багровъ они стали притягивать къ себѣ ящики, бочки и тюки, которые всплыли съ корабля на поверхность воды. Концами багровъ они отпихивали тѣ предметы, которые могли ихъ стѣснить, и, страшное дѣло!—погружали въ воду тѣхъ несчастныхъ, которые въ послѣднихъ усиліяхъ старались спастись.

— Впередъ! Впередъ! командовалъ Паскаль, самъ подавая примѣръ нечеловѣческаго отношенія къ людямъ.— Не жалѣйте никого! Мертвецы не донесутъ на насъ и намъ некого будетъ бояться!

И въ подтвержденіе своихъ словъ онъ концомъ багра ударилъ по головѣ какого-то несчастнаго, который въ это время выплылъ на поверхность.

Вылавливая изъ воды товаръ, онъ зацѣпилъ багромъ за что-то мягкое и сталъ тащить его къ себѣ: это оказалась женщина, которая не въ

состояніи была выплыть наружу и безнадежно барахталась въ водѣ. Онъ долженъ былъ притянуть ее къ себѣ, чтобы отдѣлаться и отъ этой помѣхи. И онъ ударилъ ее багромъ по головѣ. Но при видѣ лица этой несчастной женщины, съ которой онъ такъ жестоко поступилъ, онъ въ ужасѣ отступилъ назадъ и издалъ крикъ, полный ужаса и отчаянія.

Въ этомъ лицѣ, освѣщенномъ свѣтомъ луны, онъ увидалъ лицо своей покойной жены. Онъ увидалъ ее такою, какою она была въ тотъ моментъ, когда тихо разставалась съ жизнью.

Услышавъ этотъ крикъ, къ Паскалю подбѣжалъ его старшій товарищъ Пьетро, поднялъ факель, который выскочилъ изъ его руки и все еще горѣлъ на пескѣ, и подошелъ поближе къ жертвѣ, передъ которой стоялъ на колѣняхъ Паскаль и горько плакалъ.

Это была совсѣмъ еще молодая дѣвушка, одѣтая въ провансальскій костюмъ; лицо ея было очень блѣдно. Она открыла глаза и съ ужасомъ оглядѣлась по сторонамъ.

— Мирель! воскликнулъ Паскаль.— Моя дорогая дочь!

Но дѣвушка опять закрыла глаза и ея голова снова въ безсиліи и безнадежно повисла на груди.

Кто-бы могъ повѣрить, что самъ отецъ помѣшалъ своей дочери возвратиться къ нему въ домъ? Ея единственный дядя умеръ, не смотря на цвѣтушій возрастъ, тоже отъ чахотки;

какой-то его другъ посадилъ сироту на корабль, отплывавшій на Корсику, и отправилъ ее къ отцу. Остальное все понятно: Паскаль и его товарищи были морскіе разбойники!

Склонившись надъ дѣвушкой, старая Магдалина съ душевной тревогой не сводила глазъ съ ея блѣднаго лица, готоваго похолодѣть навѣки.

Сжалится ли Богъ надъ бѣдной старушкой, возвратитъ ли онъ жизнь этой несчастной дѣвушкѣ, дочери пирата? Да, Богъ сжалился надъ нею и мало-по-малу Мирель стала приходить въ чувство и скоро погрузилась въ глубокой сонъ.

Выйдя на террасу, Паскаль опустился на скамью и, убитый горемъ, полный ужаса отъ происшедшей драмы, въ которой онъ игралъ такую отвратительную роль, долго оставался недвижимымъ, прислушиваясь къ немолчному ропоту волнъ! Онъ смотрѣлъ вдаль передъ собою и не видѣлъ ничего и такъ просидѣлъ всю ночь одинъ.

— Проклятый я... говорилъ онъ самъ съ собою.—Мнѣ нѣтъ состраданія!..

И чувство тяжелаго, безысходнаго горя наполнило вдругъ его душу, которая до этой поры была такъ безсердечна къ другимъ. Глубокое раскаяніе овладѣло вдругъ всѣмъ его сердцемъ и слезы потекли у него изъ глазъ. Это были горькія слезы отчаянія и сознанія своей неправоты; онѣ текли у него изъ глазъ въ пер-

вый разъ за всю его жизнь и онъ не сдерживалъ ихъ и давалъ имъ волю идти.

— Прости! Прости! шептали его губы.—Господи, сжался надо мной, прости меня, великаго грѣшника, передъ Тобой и передъ людьми!

Занималась заря и стало свѣтлѣть небо. На востокѣ одна только звѣздочка все еще слабо мерцала своими лучами. И тихій свѣтъ ея лучей проникъ ему въ самое сердце.

— О, утренняя звѣзда! воскликнулъ онъ и протянулъ къ ней обѣ руки.—Будь мнѣ вѣстницей моего прощенія! Это будетъ ко мнѣ безконечная доброта, которой я не достоинъ!

А тѣмъ временемъ Магдалина спѣшно укладывала всѣ свои вещи и молча собиралась въ путь.

— Ты меня бросаешь? спросилъ ее Паскаль, возвратясь въ хижину рано утромъ.

— Да, мы уѣзжаемъ, отвѣтила она.—Я увожу съ собою Мирель.

— Сжался надо мной! воскликнулъ онъ.—Я никогда не причинялъ тебѣ зла!

Старушка измѣрила его негодующимъ взглядомъ.

— Паскаль, сказала она,—если я такъ долго жила у тебя, такъ это только потому, что поклялась твоей покойной женѣ не покидать тебя, чтобы тебѣ не взбрело въ голову брать сюда изъ Прованса твою дочь. Съ одиночества и со скуки ты могъ бы это сдѣлать. Такова была воля

покойной. Узнавши, чѣмъ ты промышляешь и не будучи въ состояніи донести на тебя, бѣдная Терезина зачала и отдала Богу свою праведную душу. Я тоже ни на одну минуту не оставалась-бы здѣсь и бѣжала бы отсюда, закрывъ глаза, но я была вѣрна своей клятвѣ и пусть меня судитъ за это Господь!

— Останьтесь, умолялъ Паскаль.— Останьтесь обѣ, иначе я умру безъ васъ! Я жалкій, недостойный человѣкъ, я не смѣю просить о состраданіи ни у кого изъ людей. Но если Мирель протянетъ руки къ небу и произнесетъ мое имя, то Господь сжалятся надо мной и дастъ мнѣ возможность раскаяться въ моихъ грѣхахъ.

Старушка съ недовѣріемъ покачала головой и повернулась къ нему спиной.

— Ты права, сказалъ онъ.— Я чудовище и не достоинъ того, чтобы ты меня пожалѣла. Я заставлю себя содрогнуться и осужу себя самымъ жестокимъ судомъ. Ты еще не знаешь, что я сдѣлаю съ собою. Но я хочу, чтобы ты была свидѣтельницей моего искренняго, глубокаго раскаянія. А затѣмъ,—поступай, какъ хочешь!

Онъ свистнулъ своимъ своеобразнымъ посвистомъ и вдругъ, точно выросши изъ земли, передъ нимъ появились его товарищи-пираты.

— Матросы! обратился онъ къ нимъ такимъ тономъ, который заставлялъ ихъ слѣпо повиноваться

ему даже въ самую суровую непогоду.—Паскаля и его «Жемчужины» уже больше не существуетъ. Теперь передъ вами я, уже совсѣмъ другой и мое судно, которое стало называться теперь «Мирелью». Оно будетъ теперь не грабить погибающія суда, а спасать тѣхъ несчастныхъ, которые будутъ тонуть въ морѣ и его волнахъ. Съ этой минуты я обрекаю себя на помощь людямъ и на тяжкіе труды. Довольно разбоевъ! Мы должны искупить свои грѣхи! Пусть-же тѣ изъ васъ, которые хотятъ тоже начать новую, честную, трудовую жизнь, заявятъ мнѣ объ этомъ открыто и останутся со мною навсегда, а тотъ, кто желаетъ оставаться пиратомъ, пусть сейчасъ же удаляется отъ меня прочь! Я объявляю себя его вѣчнымъ врагомъ! Съ нынѣшняго же дня я берусь за сѣти, буду честнымъ рыбакомъ и буду спасать погибающихъ людей. Послѣдуйте моему примѣру и давайте работать всѣ вмѣстѣ съ твердымъ сознаніемъ того, что всей нашей жизни недостаточно, чтобы раскаяться въ нашихъ грѣхахъ. Пусть же Провидѣніе придетъ къ намъ на помощь, пожалѣетъ насъ и поможетъ намъ сдѣлаться честными людьми!

— Аминь!! крикнули ему въ отвѣтъ удивленные, дрожавшіе матросы.

Сложивъ на груди руки ладонями вмѣстѣ, Магдалина плакала и губы ея шептали молитву.

Затѣмъ наступило продолжительное молчаніе.

Пробудилась больная и, не понимая того языка, на которомъ все это говорилось, приподнялась на локтѣ и слабо улыбнулась.

— Паскаль, сказала Магдалина. — Обними свою дочь! И пусть проститъ тебя Господь!

А затѣмъ она тихонько добавила: — Богъ великъ и въ своей добротѣ поможетъ тебѣ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ!

И всѣ стали жить вмѣстѣ и посвятили свою жизнь для другихъ.

S. E. Robert.

ОСЕНЬ.

Какъ сѣро и какъ дождливо!
Наступили холода,
Стало все кругомъ тоскливо,
Гдѣ ни ступишь, — все вода...

Отъ дождей не видно дали,
Все туманно впереди,
Солнца съ мѣсяцъ не видали,
Изъ окна хоть не гляди.

Все ненастье, да ненастье,
А пора косить овесъ;
Онъ ужъ сыплется и частью,
Говорятъ уже проросъ.

Гдѣ-жъ ты, солнце, гдѣ вы, грозы?
Неужель не быть теплу?..
Но сѣро кругомъ и слезы
Лишь струятся по стеклу.

Хлещетъ дождикъ по окошку,
Вѣтеръ ноетъ и поетъ...
Подвигаясь, понемножку,
И зима ужъ къ намъ идетъ.

Кузнечикъ.

ПОДКИДЫШЪ.

Романъ Мэргіе.

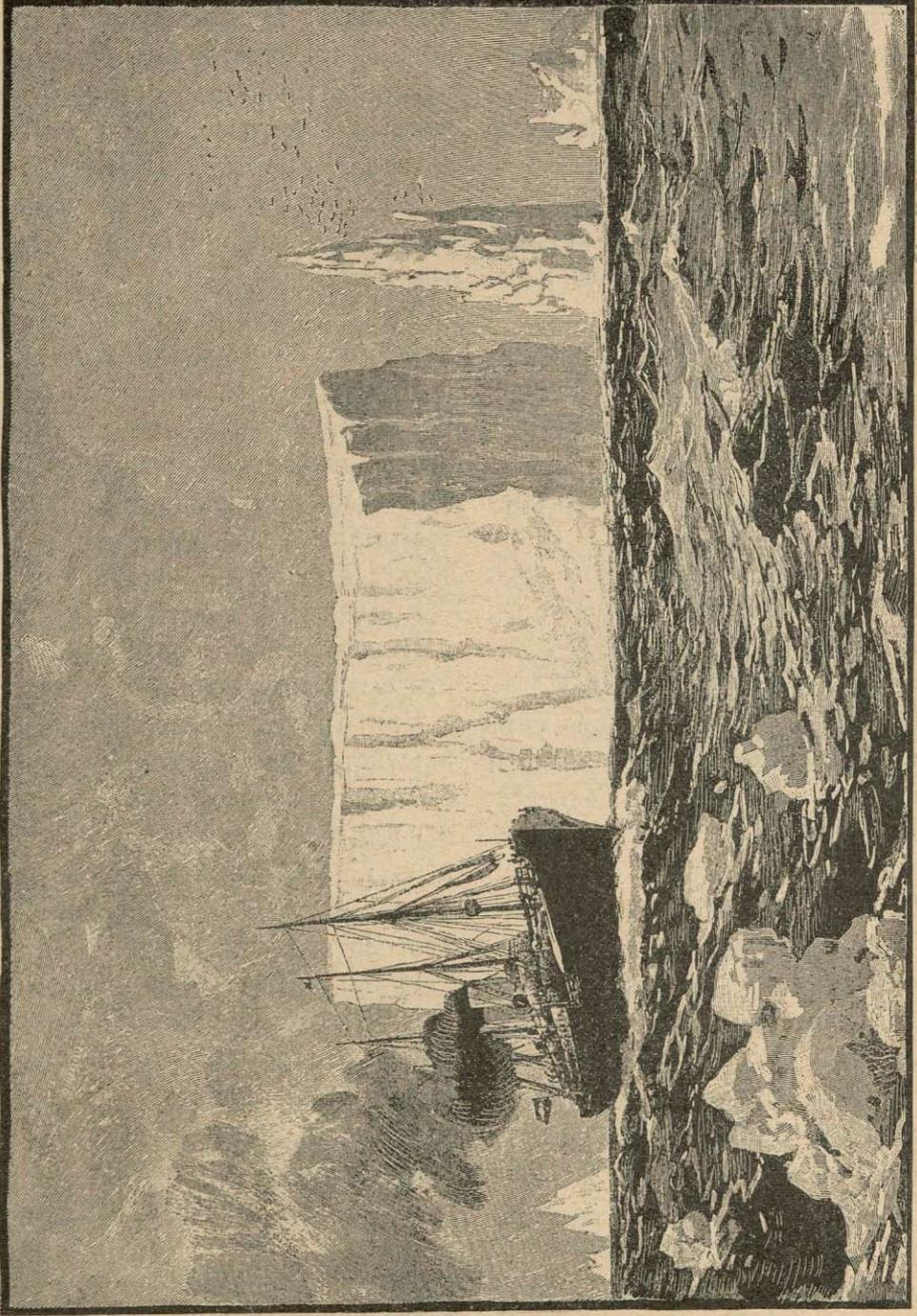
(Продолженіе).

Полицейское управленіе находилось на самомъ дальнемъ краю Леневена, по пути въ Сень-Меанъ и состояло изъ самого бригадира и четырехъ человѣкъ жандармовъ, кото-

рые вмѣстѣ съ тѣмъ были и городовыми.

Очень добродушный въ частной жизни, бригадиръ былъ неумолимъ тамъ, гдѣ дѣло касалось его службы,

На Ледовитомъ океанѣ.

такъ что его боялись даже и не въ его участкѣ. И когда матери хотѣли поугаать своихъ дѣтей, то они всегда говорили:—

— Вотъ погоди, сейчасъ придетъ бригадиръ и возьметъ тебя!

И при одномъ только словѣ «бригадиръ» даже самый капризный ребенокъ становился вдругъ тихимъ и послушнымъ.

Бригадиръ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и составлялъ донесеніе своему начальству, когда вѣстовой ему доложилъ:—

— Г-нъ Томъ Керуэль и его племянникъ!

— Проси! сказалъ бригадиръ, очень заинтересованный такимъ раннимъ визитомъ. Было всего только 8¹/₂ часовъ утра.

— Какой вѣтеръ васъ принесъ? обратился онъ затѣмъ къ Тому и Ноэлю, когда они вошли.—Садитесь, пожалуйста!

И онъ указалъ имъ на стулья.

— По очень важному дѣлу... отвѣчалъ Томъ Керуэль.

И безъ всякихъ предисловіи онъ рассказалъ ему все, что узналъ отъ Ноэля.

Бригадиръ [почесавъ затылокъ]. Ахъ, чтобъ имъ пусто было!.. [сразу поворачиваясь къ Ноэлю]. А ты, молодой человекъ, не врешь?

Ноэль. Все это мнѣ рассказала Анита, г-нъ бригадиръ. А она не вретъ...

Бригадиръ [крутя свой усъ]. Кто это такая Анита?

Ноэль. Маленькій найденышъ, г-нъ бригадиръ. Ее заставляютъ играть комедіи въ театрѣ Антоніо.

Бригадиръ. Похищенный ребенокъ?.. Такъ-съ... Исторія-то оказывается сложной! Нужно будетъ пригласить къ себѣ и эту дѣвочку... Пусть она мнѣ наболтаетъ тоже съ три короба.

Томъ Керуэль. Значитъ, вы сомнѣваетесь, г-нъ бригадиръ?

Бригадиръ [вторично крутя свой усъ]. Вовсе нѣтъ, г-нъ Томъ Керуэль, а просто необходимо провѣрить показанія вашего племянника.

Ноэль. Г-нъ бригадиръ... Позвольте я самъ ей скажу...

Бригадиръ. Кому? Что?

Ноэль. Этой маленькой Анитѣ, что вы хотите ее вызвать.

Бригадиръ. Не вмѣшивайся, пожалуйста! Да-съ, г-нъ Керуэль! Кто-бы могъ ожидать? Все въ Леневи у насъ было тихо и вдругъ... приѣзжаютъ какіе-то цыгане и нарушаютъ покой! А все-таки я долженъ самъ допросить эту Рикиту!

Ноэль. Аниту, г-нъ бригадиръ.

Бригадиръ. Аниту, Рикиту—не все ли это равно? [къ Тому Керуэлю]. Ну-съ, что дѣлать, г-нъ Керуэль, приходится приниматься за дѣло. Донось отъ васъ поступилъ, а справедливъ онъ, или нѣтъ, это уже меня не касается. Законъ требуетъ въ такихъ случаяхъ начатія слѣдствія и я его начну. Законъ неумолимъ. Но вѣдь вы понимаете, я не могу каждаго упекать въ тюрьму по одному

только подозрѣнію. Я здѣсь представляю изъ себя все-таки начальство, а что подумаютъ мои подчиненные, если я, бригадиръ Ленеvena, и вдругъ введу ихъ въ заблужденіе? Ахъ, волкъ его заѣшь, какая скандальная исторія!

Томъ Керуэль. А не можете-ли вы спросить этихъ людей, по какому праву они держатъ у себя эту дѣвочку?

Бригадиръ [хлопаетъ себя по лбу]. Прекрасная мысль, г-нъ Керуэль! Какъ это я не догадался раньше? И предлогъ, знаете-ли, есть! Законъ говоритъ: «Ночная работа малолѣтнихъ и дѣтей воспрещается», а вѣдь тутъ самая настоящая ночная работа: дѣвочка участвуетъ въ представленіяхъ чуть не до часу ночи. Блестящая мысль! Я притяну теперь къ допросу и самого Антонію и эту дѣвочку. Поводъ есть. Я допрошу каждаго изъ нихъ отдѣльно.

Ноэль. А за это не будутъ Аниту бить?

Бригадиръ. Успокойся, молодой человѣкъ, ее никто не тронетъ.

Томъ Каруэль. А что вы сдѣлаете съ этими господами, если все это окажется правда?

Бригадиръ. Да какъ вамъ сказать?.. Дѣло это не легкое. Вѣдь для того, чтобы имѣть право ихъ арестовать, нужно застать ихъ на мѣстѣ преступленія.

Томъ Керуэль. Значитъ, по вашему, только тогда и можно принимать мѣры, когда уже закричатъ— «Карауль, грабятъ!»?

Бригадиръ. Я этого не говорю, я прошу только васъ понять, что нельзя-же тащить людей за шиворотъ только потому, что они вели простой разговоръ! Мало-ли чего мы ни говоримъ! Дайте мнѣ доказательства—и я къ вашимъ услугамъ.

Бригадиръ.

Ноэль. Господинъ бригадиръ, я знаю, что мнѣ дѣлать.

Бригадиръ. А ну, ну? Говори! Мы тебя послушаемъ!.. Но каковъ молодецъ вашъ племянникъ, г-нъ Керуэль? О, онъ далеко пойдетъ!

Ноэль. Я постараюсь узнать черезъ Аниту о днѣ кражи и тогда вамъ скажу. Вы пойдете тогда въ замокъ Фелье и схватите ихъ на мѣстѣ преступленія.

Бригадиръ. Блестящая мысль! Это совершенно справедливо! Мы имъ

подставимъ ловушку и они всѣ въ нее попадутъ! А знаешь, мальчикъ, у тебя отличныя способности, чтобы быть въ послѣдствіи бригадиромъ! И кто знаетъ, г-нъ Керуэль, быть можетъ со временемъ вашъ племянникъ будетъ имѣть честь занять мое мѣсто? Какой почетъ! Какая радость для васъ!

Томъ Керуэль [насмѣшливо]. Блестящая мысль, г-нъ бригадиръ! Но мы недостойны такой великой чести.

Бригадиръ. Ну-съ... И такъ... Я приглашу къ себѣ Антонію и Рикиту.

Ноэль. Аниту, г-нъ бригадиръ!

Бригадиръ. Ну, Аниту, такъ Аниту! Не все-ли это равно? Я допрошу ее обстоятельно, что и какъ, поболтаю съ ней и увѣрюсь окончательно, дѣйствительно - ли она не вретъ. Въ мѣстѣ съ симъ я попрошу вотъ сего юнаго господина Надаля...

Томъ Керуэль. Ноэля, г-нъ бригадиръ!

Бригадиръ. Ну, Ноэля, такъ Ноэля! Такъ что, бишь, я хотѣлъ сказать? Да! Въ мѣстѣ съ тѣмъ я попрошу вотъ сего юнаго господина Ноэля узнать день предполагаемой покражи и сообщить его мнѣ, чтобы мы всѣ были готовы явиться во всеоружіи къ назначенному часу. А теперь — покорнѣйше васъ благодарю, господа, и прошу васъ дать мнѣ возможность окончить мое донесеніе начальству, что все у меня въ Ленеვენѣ въ образцовомъ порядкѣ и что никому опасность не угрожаетъ.

И въ то время, какъ Томъ Ке-

руэль и его племянникъ уходили отъ него, онъ ворчалъ: —

— Какая скучная исторія! Такъ мы всѣ жили спокойно въ Ленеვენѣ и вотъ приходятъ сюда какіе-то цыгане и замышляютъ скандалъ! Актеры тоже... Ужъ и ремесло, доложу я вамъ! А ты, г-нъ Антонію, ужъ и доберусь-же я до тебя! Ты у меня напляшешься вдоволь! Позабудешь, какъ и спектакли играть!

— Что бы это значило? воскликнулъ Антонію — угрюмо прочитавъ повѣстку бригадира, которую подала ему старуха Фемія послѣ представленія. — Что должна означать эта приписка: «Законъ о трудѣ дѣтей и малолѣтнихъ?» Не долюбливаю я этихъ законовъ! Начихать на всѣхъ этихъ бригадировъ и пусть они убираются отъ меня подальше! Не пойду я къ нему, вотъ и все!

— А что если за тобой явятся жандармы? возразила ѣдко старуха. — А наша затѣя съ замкомъ Фелье? Что-же и ее тоже по-боку? Нѣтъ, любезнѣйшій Антонію, не задирай такъ высоко головы! Съ этими людьми намъ надо жить въ ладу, а не то... Предположимъ даже, что намъ запретятъ употреблять для спектаклей Аниту? Что-же изъ того? Вѣдь мы здѣсь останемся еще всего только два-три дня, а тамъ ищи насъ, гдѣ хочешь!

Эти разсужденія старухи успокоили Антонію. Онъ понялъ, что для него было-бы опасно не послушаться бри-

гадира и не пойти. Поэтому въ назначенный часъ онъ взялъ за руку Аниту и явился къ бригадиру.

Не подавая ни малѣйшаго вида, что ему извѣстно все, бригадиръ предложилъ имъ садиться и устроившись поудобнѣе около своего письменнаго стола, спросилъ ихъ обоихъ, какъ ихъ имя, фамилія и сколько имъ лѣтъ.

А затѣмъ онъ обратился къ Антонію.

— Прошу васъ не подуматъ, г-нъ Антонію, сказалъ онъ,—что я хочу васъ чѣмъ-нибудь притѣснить. Дѣло въ томъ, что я получилъ отъ начальства секретное предписаніе провозвести повсюду у себя въ участкѣ дознаніе относительно труда малолѣтнихъ, т. е. не заставляютъ-ли ихъ хозяева работать въ ночные часы? А потому, узнавъ, что въ вашей группѣ есть дѣвочка, я и пригласилъ васъ, чтобы предложить вамъ добровольно прекратитъ ея участіе въ вашихъ спектакляхъ. Надѣюсь, что вы не пойдете противъ закона.

У Антонію отлегло отъ сердца. Теперь ужъ онъ больше не боялся и понялъ, что его страхъ былъ неоснователенъ.

— Господинъ бригадиръ, отвѣтилъ онъ,—я преклоняюсь передъ требованіемъ закона, хотя оно и наноситъ мнѣ ущербъ. Безъ этой дѣвочки въ группѣ я, какъ безъ рукъ, но извольте: больше она уже не будетъ выступать въ моихъ спектакляхъ.

— Я не ожидалъ отъ васъ такой уступчивости, г-нъ Антонію, сказалъ

бригадиръ и съ ожесточеніемъ сталъ крутить свой усъ,—и очень васъ за это благодарю. Но я долженъ выполнить еще одно дѣло: я долженъ спросить у самой Аниты о свойствахъ и качествахъ ея работы у васъ и обязательно въ вашемъ отсутствіи. Поэтому потрудитесь выйти изъ моего кабинета и оставитъ насъ однихъ.

Не предвидя ничего дурного для себя, Антонію вышелъ.

Оставшись съ Анитой наединѣ, бригадиръ сразу сдѣлался ласковымъ и измѣнилъ свой тонъ.

— Тебя зовутъ Анитой, милая дѣвочка? спросилъ онъ такъ, какъ можетъ спрашивать только отецъ.

Анита [съ дрожью въ голосѣ]. Да.

Бригадиръ. Не бойся, дорогая моя. Я самъ отецъ и очень люблю маленькихъ дѣтей. Если ты искренно, безъ утайки, отвѣтишь на вопросы, которые я тебѣ задамъ, то мы будемъ съ тобою друзьями.

Анита, Хорошо, сударь.

Бригадиръ. Ты знаешь племянника Тома Керуэля?

Анита. Ноэля? Да, знаю.

Бригадиръ. Онъ говоритъ, что ты несчастна.

Анита. [глубоко вздыхаетъ]. Это правда, сударь.

Бригадиръ. Какъ зовутъ старуху, которая продаетъ билеты въ вашемъ театрѣ?

Анита. Мать Фемія.

Бригадиръ. Почему ты называешь ее матерью? Она дѣйствительно тебѣ мать?

Анита. Нѣтъ, сударь, но она приказываетъ мнѣ, чтобы я ее такъ звала. Она нашла меня гдѣ-то въ кучѣ тряпья, на улицѣ, и взяла къ себѣ.

Бригадиръ. Сколько тебѣ лѣтъ?

Анита. Не знаю.

Бригадиръ. Ты участвуешь въ спектакляхъ?

Анита. Да, сударь.

Бригадиръ. И ты утомляешься?

Анита. Какъ придется...

Бригадиръ. Тебя хорошо кормятъ?

Анита. Не всегда: часто я ѣмъ сухой хлѣбъ и пью воду.

Бригадиръ. А гдѣ ты спишь?

Анита. Въ фургонѣ. Въ ногахъ у Феміи, на соломѣ.

Бригадиръ. А Антонію?

Анита. Онъ спитъ въ другой половинѣ за перегородкой, на складной кровати.

Бригадиръ. Ты слышишь иногда, какъ они разговариваютъ?

Анита. Да, сударь.

Бригадиръ. О чемъ они говорятъ?

Анита [въ страхѣ]. Не знаю.

Бригадиръ. Однако-же ты признавалась Ноэлю?

Анита [въ страхѣ оглядываясь по сторонамъ]. Онъ обѣщалъ мнѣ, что не скажетъ никому. Если Антонію узнаетъ, то онъ убьетъ меня!

Бригадиръ. Ну, да, какъ-же! Людей съ такою легкостью не убиваютъ, а въ особенности такихъ, которымъ покровительствуетъ полиція... Такъ это правда?

Анита [вся дрожа]. Да, сударь.

Бригадиръ [участливо]. Не дрожи такъ, мое дитя! Тебя никто не тронетъ, я тебѣ это обѣщаю... Ну, расскажи мнѣ, что ты еще знаешь?

Анита [помедливъ]. Они будутъ грабить въ субботу, г. Бригадиръ...

Бригадиръ. Въ которомъ часу?

Анита. Въ полночь.

Бригадиръ. Антонію будетъ дѣйствовать одинъ?

Анита. Нѣтъ, сударь, съ нимъ отправятся въ замокъ еще мать Фемія и Альфредъ.

Бригадиръ. А ты?

Анита. Меня оставляютъ въ фургонѣ... потому что...

Бригадиръ. Что «потому что»?

Анита [глота слезы]. Они оставляютъ меня одну и бросаютъ меня совсѣмъ, потому что у нихъ есть еще другой фургонъ, въ которомъ они хранятъ все наворованное и въ которомъ тотчасъ-же отсюда уѣдутъ...

Бригадиръ. Куда?

Анита. Въ Брестъ... Но это еще не все, г. Бригадиръ.

Бригадиръ. Что-же еще?

Анита. Они сговорились еще украсть Шарлотту и скрыть ее, чтобы потребовать послѣ за нее выкупъ...

Бригадиръ. Ахъ, они негодяи! Ловко придумано! Но какъ-же они это сдѣлаютъ?

Анита. Вотъ какъ, г. Бригадиръ. Мать Фемія отправится въ замокъ вмѣстѣ съ Антонію и будетъ тамъ рассказывать Шарлоттѣ и Фредерику сказки. Она выведетъ Шарлотту на дорогу. Тогда Альфредъ выскочитъ

изъ засады, заткнетъ ей ротъ носовымъ платкомъ, чтобы она не кричала, и унесетъ ее. А мать Фемія будетъ нарочно кричать:— «Воры! Воры!», но только тогда, когда они будутъ уже далеко.

Бригадиръ. Вотъ каналы! И какъ ловко придумали! Спасибо тебѣ, Анита! Благодарю тебя отъ имени всей полиціи и торжественно тебѣ объщаю, что теперь тебя не тронетъ ни одна душа и безъ моего позволенія никто не осмѣлится прикоснуться къ кончикамъ твоихъ волосъ. Теперь-же выслушай, что я тебѣ посоветую: возвратившись къ Антонію, ты говори ему, что я разговаривалъ съ тобою только о твоихъ представленіяхъ и больше ни гу-гу! Пони-маешь? Такъ держи себя съ нимъ до самой субботы. Могу тебя увѣрить, что эти негодяи не приведутъ въ исполненіе того, что задумали. Одинъ изъ моихъ жандармовъ придетъ за тобой въ фургонъ и мы найдемъ для тебя отца и мать гораздо получше, чѣмъ эти жулики.

И, взявъ дѣвочку за руку, онъ вышелъ съ нею въ залу, гдѣ его дожидался Антонію, за которымъ наблюдалъ жандармъ. Очень вѣжливымъ тономъ бригадиръ сталъ извиняться передъ содержателемъ театра, что заставилъ его такъ долго ждать.

— Я прямо пораженъ, какой громадный талантъ у этой дѣвочки, сказалъ онъ.—Теперь я понимаю, почему ваши спектакли пользуются такимъ заслуженнымъ успѣхомъ. По-

этому такъ ужъ и быть: Не смотря на строгія требованія закона и принимая во вниманіе, что на этихъ дняхъ вы уѣдете изъ Ленеvena совсѣмъ, я посмотрю на это дѣло сквозь пальцы. Пусть Анита играетъ!

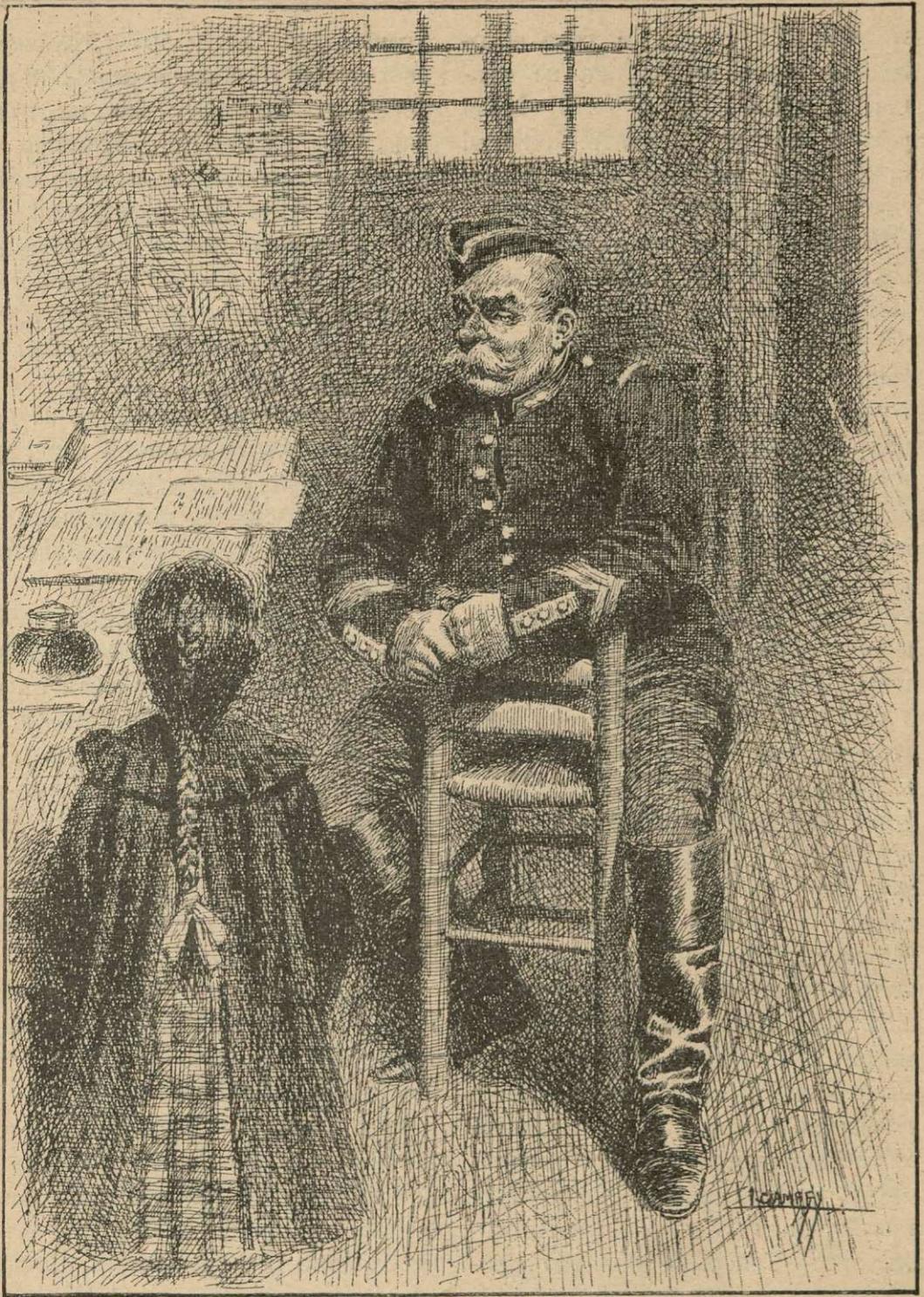
Удивленный такимъ благодушіемъ бригадира, на которое Антонію совсѣмъ даже и не рассчитывалъ, онъ сталъ разсыпаться передъ нимъ въ благодарностяхъ.

— Если-бы вы пожелали, г. бригадиръ, обратился онъ къ нему, приложивъ руку къ сердцу,—оказать намъ честь своимъ посѣщеніемъ, то я оставилъ-бы для васъ билетикъ перваго ряда.

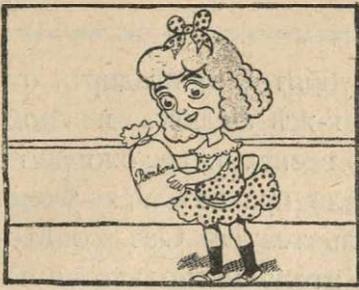
— Мнѣ это очень лестно... отвѣтилъ ему бригадиръ, вовсе не желавшій имѣть никакого дѣла съ негодяями,—но... такъ, знаете-ли, у меня всегда много дѣла, что вырваться изъ дому и пойти куда-нибудь въ гости—для меня уже подвигъ.

— Но вѣдь у васъ въ участкѣ такъ спокойно!.. польстилъ ему Антонію.

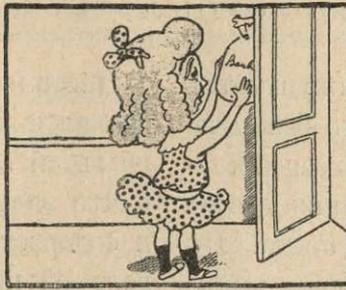
— Да, сказалъ ему на это бригадиръ,—мой участокъ въ Леневенѣ представляетъ собою какъ-бы одну сплоченную семью. Всѣ у насъ живутъ въ мирѣ и согласіи и я долженъ вамъ сказать, что и я самъ и мои жандармы служатъ здѣсь какъ-бы для декорации. Тѣмъ не менѣе необходимо все предвидѣть. Предвидѣть—значитъ управлять! Не говоря уже о негодяхъ, которые иногда

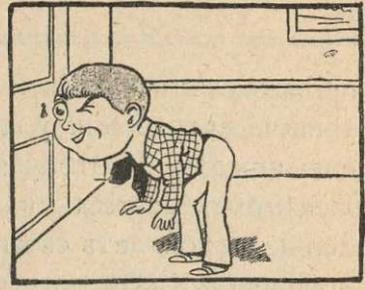
— Тебя зовут Анитой, милая дѣвочка? спросилъ бригадирь.

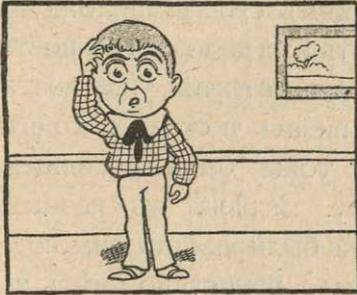
1. Лизѣ подарили въ день ангела мѣшочекъ конфетъ.

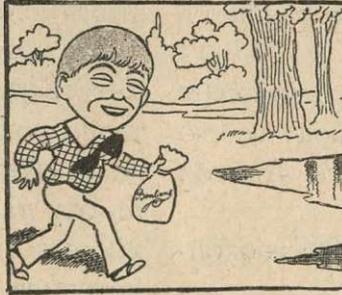
2. Она съѣла немного, а остальные спрятала въ шкафъ.

3. Митя подглядѣлъ это—

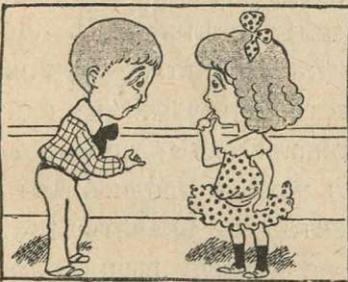
4. —и сталъ придумывать, какъ бы ему стащить эти конфеты.

5. Онъ взялъ ихъ, съѣлъ и побѣжалъ съ мѣшочкомъ къ пруду.

6. Здѣсь онъ поймалъ лягушку, посадилъ ее въ мѣшочекъ и отнесъ его на прежнее мѣсто.

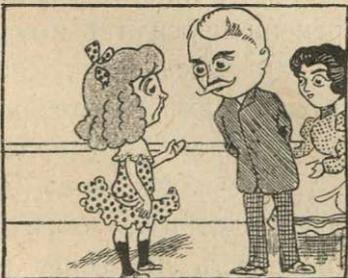
7. — Ты умѣешь читать? спросилъ Митя Лизу.
— Нѣтъ, отвѣтила сестра.
— Ну, значитъ, твои конфеты отъ этого превратились въ лягушку.

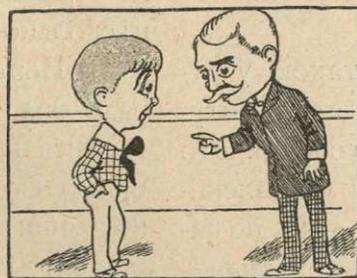
8. Лиза побѣжала къ шкафу, достала изъ него мѣшочекъ, развернула и вдругъ изъ него дѣйствительно высочила лягушка.

9. Она побѣжала къ мамѣ.
— Мама, сказала она, — научи меня скорѣе читать, а то мои конфеты превращаются въ лягушекъ!
Мама засмѣялась и—

10. —разказала объ этомъ папѣ. Папа подозвалъ къ себѣ Лизу и распросилъ ее обо всемъ.

11. А затѣмъ онъ сдѣлалъ выговоръ Митѣ и сказалъ:—

12. посиди-ка за это на чердакѣ на хлѣбѣ и водѣ! Это тоже иногда бываетъ полезно!

пріѣзжаютъ къ намъ и покушаются у насъ на грабежи, у насъ бываютъ еще пожары. Поэтому я всегда долженъ быть насторожѣ и никогда не долженъ покидать своего поста. Это мой долгъ. Соблазнить меня ничто не можетъ.

Бригадиръ поднялся съ мѣста и сказалъ Антонію, что онъ можетъ идти.

Антонію не заставилъ просить себя два раза и, не чувствуя подъ собою ногъ, помчался вмѣстѣ съ Анитой къ себѣ въ фургонъ.

Фемія встрѣтила его съ безпокойствомъ.

— Ну? воскликнула она, увидѣвъ ихъ.—Что случилось?

— Все отлично! отвѣтилъ ей Антонію.—Одна только ложная тревога и больше ничего: къ бригадиру пришло предписаніе отъ начальства напустить строгости относительно труда малолѣтнихъ—вотъ и все! Сначала онъ хотѣлъ было приняться и за насъ, но талантъ нашей Аниты привелъ его въ такое восхищеніе, что онъ на все закрываетъ глаза. Значитъ, и нашъ замыселъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Намъ не помѣшаетъ никто.

Онъ сказалъ это съ такою ужимочкой, что это удивило даже Аниту, которая знала его такъ хорошо. Это возмутило ее до глубины ея маленькой души и она больше ужъ не раскаивалась въ томъ, что довѣрилась Ноэлю и бригадиру.

* *
*

Настала суббота. Бригадиръ отправился къ г-жѣ Ледюкъ и сообщилъ ей обо всемъ, что ее ожидаетъ и что задумали противъ нея Фемія и содержатель театра. Онъ совѣтовалъ ей при этомъ нисколько не нарушать своей обычной жизни, а напротивъ, всѣми мѣрами выказывать этимъ негодьямъ свое расположеніе, чтобы усыпить ихъ подозрительность. Тетя Гертруда, которая уже достаточно поправилась и стала выходить на воздухъ, тоже была посвящена въ эту тайну. Затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ замка были разставлены люди, которымъ было приказано имѣть наблюденіе за малѣйшимъ движеніемъ артистовъ въ замкѣ. Кромѣ того, для большей предосторожности, Томъ Керуэль подаль совѣтъ г-жѣ Ледюкъ поручить Шарлотту личному наблюденію тети Гертруды, такъ какъ дѣвочкѣ угрожала особая опасность.

И когда въ замокъ явились Антонію и старуха, чтобы позабавить дѣтей, то къ нимъ на встрѣчу вышла сама г-жа Ледюкъ, стараясь быть какъ можно любезнѣе съ ними, и сообщила имъ, что Шарлотта захворала, правда, не серьезно, но во всякомъ случаѣ нѣсколько времени просидитъ дома.

— Ноэль-же и Фредерикъ, сказала она,—играютъ вмѣстѣ наверху. А такъ какъ вы даромъ трудились, прійдя сюда, то я уплачу вамъ за эти ваши хлопоты вдвойнѣ. Смотрите-же, не уѣзжайте изъ Леневена, не простившись съ нами!

.....

— Если эта ночь сойдетъ для насъ благополучно, пробурчалъ Антоніо старухѣ, возвращаясь къ себѣ въ фургонъ, то намъ будетъ во что пріодѣться. Но часто въ самый послѣдній часъ ты въ такихъ случаяхъ теряешь самообладаніе и идешь на пятый дворъ... Смотри не подведи меня и теперъ... А не то я тебя... Ты у меня поскачешь!

— Что это, угрозы? проворчала

Фемія ему въ отвѣтъ.—Сбавь-ка, пожалуйста, тону! Къ тому-же насъ можетъ услышать и Анита! Ты знаешь, что я не боюсь тебя, мой милый воршика; у насъ у обоихъ совѣсть достаточно черна, чтобы надувать другъ друга. Поэтому если-ужъ попадаться, такъ попадаться вмѣстѣ!

Анита шла впереди, опустивъ голову, и сердце у нея билось отъ тревоги.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ УСАДЬБѢ.

Нѣтъ, не было у насъ живительнаго лѣта!
 Все время шли дожди, стояли холода,
 Отъ солнца ждали мы, что день, тепла и свѣта,
 Но видѣли его мы только иногда.
 И вотъ уже стоятъ всѣ голыми березы,
 И на землѣ умершій листь шуршитъ,
 Закрыты на зиму вѣтвями елокъ розы
 И грустно-грустно лѣсъ вершинами шумить.

Стремятся ручейки, полны водой канавы,
 И по утрамъ стоитъ на лужицахъ ужъ ледъ...
 Забыты игры лѣтнія, ребячій смѣхъ, забавы,
 И самое глухое время настаетъ.
 Собака днями спитъ, во снѣ ворчитъ и бредитъ,
 Отъ скуки няню старую все клонитъ къ сну...
 Но чу! Звонки... Къ намъ кто-то въ гости ѣдетъ!
 Ужель не къ намъ? Мы всѣ бѣжимъ къ окну.
 И вдругъ— о, радость, къ намъ! Мы видимъ за кустами,
 Мелькаютъ лошади и грязный тарантасъ...
 Добро пожаловать! Хоть годъ живите съ нами,
 Мы рады вамъ душой! Гостите въ добрый часъ!

Кузнечикъ.

НА ВОЛГѢ.

Лодка ударила носомъ о мостки и стала.

Дяденька Василій сложилъ весла, взялъ удочки и ведро съ наловленной рыбой и вышелъ изъ лодки.

Привязавъ ее къ колышку, онъ выловилъ изъ ведра рыбу и побросалъ ее въ корзинку, которая плавала у мостковъ.

Кромѣ двухъ десятковъ мелкой рыбешки, въ корзинѣ плескались два крупныхъ леща и налимъ.

— «Славная выйдетъ уха!» подумалъ дяденька Василій и, свернувъ удочки, сталъ подниматься по мосткамъ на баржу.

Разогнувъ старую спину и приложивъ руку къ глазамъ, онъ окинулъ взглядомъ привычную картину—широкую бурюю воду, которая морщилась, словно старушка, отъ легкаго вѣтерка, дальній берегъ, свѣтлое небо...

Навстрѣчу ему высыпала съ баржи ватага свѣтлоголовыхъ дѣвченокъ.

— Что, купаться? — добродушно спрашиваетъ Василій.

— Купаться, дяденька! отвѣчаютъ дѣвченки.

— Ну, ладно, купайтесь!..

Поднявшись на баржу, онъ опустился въ трюмъ.

Дѣвченки выбѣжали на берегъ, поскидали свои платишки и рубашонки и попрыгали въ воду.

Вода за ночь стала холодной!

Часто перебирая руками и ногами, онѣ барахтались около мостковъ, стараясь согрѣться.

— Танька, не брызгай! раздаются крики.—Будетъ тебѣ!

Но брызжетъ не одна Танька, а всѣ...

Больше не вмогутъ!..

Выскочивъ изъ воды, одна за другой, онѣ садятся рядкомъ на берегу и, скорчившись, положивъ дрожащія подбородки на посинѣлыя колѣни, стараются отогрѣться на солнышкѣ.

— Машка, чай пром-мерзла? говоритъ Танька, стуча зубами.

Всѣ смѣются.

Но, минутъ черезъ пять, доброе солнышко согрѣваетъ дѣтей.

Завязываются разговоры.

— Вотъ, дѣвченки, намъ-то холодно, начинаетъ Машка,—а, люди сказывали, что здѣсь жилъ одинъ человекъ... не то, чтобы мерзнуть, а даже для него и вода,—ровно будто и не вода!..

— Ну-у? протягиваетъ недовѣрчиво Танька.

— Лопни глаза мои! скороговоркой заявляетъ Машка.

Этого совершенно достаточно, чтобы возбудить общее довѣріе и любопытство.

— Расскажи, Машка! пристають къ дѣвченкѣ подруги,—расскажи!..

Обведя всѣхъ глазами и понизивъ голосъ, Машка начинаетъ: — Былъ это, дѣвченки, одинъ такой бѣглый-каторжный...

У дѣвченочъ сразу духъ занимаетъ; одна Танька не унимается.

— А ты откуда знаешь? говоритъ она.

— А теткинои сестрѣ, Акулинѣ, сказывалъ дяденька Федоръ.

— А дяденька Федоръ?.. —опять начинаетъ Танька, но на нее цыкаютъ и разговоръ продолжается.

— Какъ стануть искать его, бѣглаго - то, заканчиваетъ Машка свой разговоръ,—возьметъ онъ одѣяло да подушку и пойдетъ къ Волгѣ. Вода-то передъ нимъ и разойдется!.. Онъ и ляжетъ на дно; подушку — подъ голову, и одѣяломъ закроется. Вода опять сойдется, ну, его и не видать! И мимо ходять, да не видать, — потому — лежитъ подъ водой, и спитъ тамъ!..

Нѣкоторое время всѣ находятъ подъ впечатлѣніемъ разсказа и со страхомъ посматриваютъ на воду, не лежитъ-ли тамъ каторжный?..

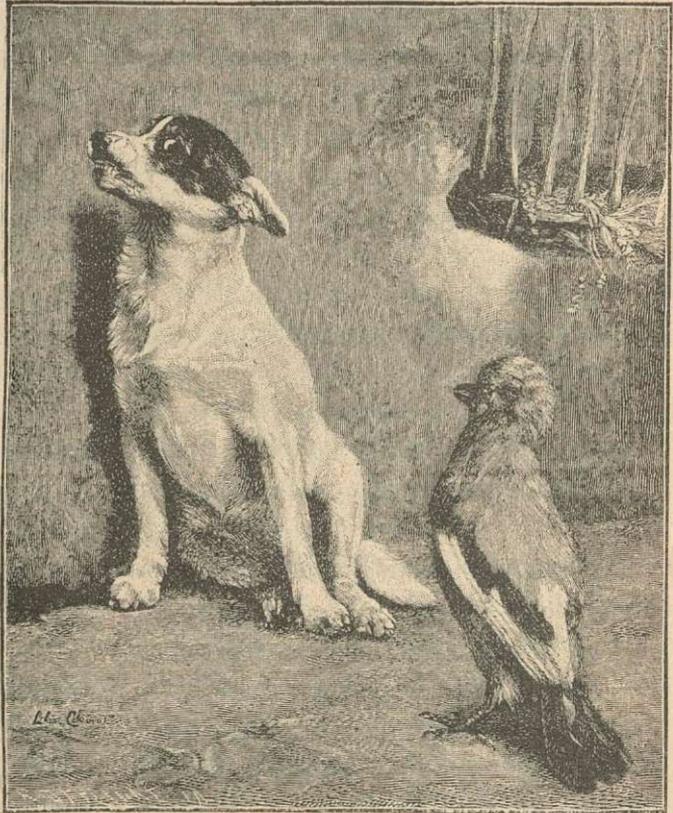
Даже недовѣрчивая Танька и та ужъ не задаетъ никакихъ вопросовъ.

А Волга-матушка спокойно дремлетъ подъ лучами утренняго солнца.

Она разгладила свои морщинки и

позволяетъ мимолетнымъ облачкамъ весело любоваться собой въ широкой ея поверхности, такой широкой, что кажется маленькимъ дальній песчаный берегъ и за нимъ молодой лѣсокъ.

Кругомъ все тихо.

— Чего ты боишься, собачка, вѣдь я не трону!

Пробѣжитъ изрѣдка пароходъ, загудитъ громко и рѣзко и подыметъ волны. И снова все тихо...

Однако солнышко высоко поднялось и порядочно таки припекаетъ!

Дѣвочки опять лѣзутъ въ воду.

Снова — шумъ, смѣхъ, обливанье другъ дружки водой.

— Смотрите-ка, дѣвченки, говоритъ Танька, выгаскивая изъ корзинки одну рыбину за другой и бросая ихъ обратно, сколько дяденька Василій рыбы-то наловилъ!

Рыба бьется въ рукахъ у дѣвочки, чешуя сверкаетъ на солнцѣ.

Танькѣ—любо.

— Не трожь, Танька! Вотъ дяденька Василій увидитъ,—онъ тѣ задастъ! пугаютъ дѣвочку подруги.

Танька на минуту оставляетъ корзинку, но затѣмъ опять начинаетъ выгаскивать рыбу.

— Ахъ!..

Большая рыбина—налимъ вырвавшись изъ рукъ дѣвочки, исчезла подъ водою.

— Ушла!.. восклицаютъ дѣти.

Танька блѣднѣетъ, какъ полотно, а дѣвченки остаются съ разинутыми ртами.

Теперь дяденька Василій задастъ!

Танька въ слезы...

Подруги присмирѣли,—вѣдь всѣмъ попадетъ! Таня плачетъ.

— Танька, никшни, не реви, говоритъ тихо Манька,—я тебѣ другую рыбину притащу!

Танька отнимаетъ отъ заплаканнаго лица кулаки и смотритъ, ужъ не смѣется-ли надъ ней Машка?

Но Машка не смѣется.

— Вылазь скорѣй, Танька! говоритъ она,—тятка вчерась вечеромъ наловилъ много рыбы; побѣжимъ, возьмемъ,—да и пустимъ сюда!

Дѣвочки быстро одѣлись и скоро исчезаютъ за сосѣдной баржой.

Остальная ватага тоже выходитъ изъ воды и, захвативъ съ собою платья и рубашенки, бѣжитъ скорѣй, скорѣй, подальше отъ мостковъ, чтобы, въ случаѣ чего—дяденька Василій не увидѣлъ...

Черезъ минуту въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ баржи опять купанье, столбомъ летятъ брызги, шумъ...

Но вотъ возвращаются Машка и Танька. У Машки въ рукахъ большой судакъ трепещетъ, но это нисколько ее не смущаетъ.

— Дяденька ужъ и забылъ поди—какой рыбы наловилъ!—успокаиваетъ она подругу.

Танька испуганно озирается по сторонамъ и воетъ.

— Былъ налимъ, а вдругъ судакъ сталъ!.. говоритъ она.

Однако рыбу бросаютъ въ корзинку и убѣгаютъ къ подругамъ купаться.

Горе забыто...

Съ баржи спускается тетушка Марья и начинаетъ вылавливать изъ корзины рыбу. Пора готовить обѣдь!

Но, что за чудо! Дяденька Василій сказывалъ, что поймалъ два леща и налима, а тутъ—судакъ, а налима-то и нѣтъ! Она бросаетъ рыбу обратно въ корзинку и, качая головой, уходитъ на баржу.

Дѣвченки все видѣли и чуютъ грозу...

— Побѣжимъ, дѣвченки, на берегъ, за кусты, обращается къ подругамъ Машка,—сядемъ тамъ, не найдутъ!..

Выскочивъ изъ воды, онѣ накидываютъ на ходу одежду и, сверкая голыми пятками, быстро исчезаютъ за прибрежными кустами. Оттуда слышится сдержанный смѣхъ, шиканье подругъ, потомъ все стихаетъ.

Никого не видно... Лишь глянуть изъ зелени веселые глаза Машки, да Танька испуганно вытянетъ шею и снова быстро спрячется...

Отъ баржи слышались голоса.

Это дяденька Василій съ кумомъ пошли посмотрѣть рыбу.

Тетушка Марья идетъ за ними, подбоченившись и посмѣиваясь...

— Гдѣ налимъ-то твой, говоритъ она,—и самъ не знаешь, что наловилъ спросонья!

Дяденька Василій сердито ворчитъ подъ носъ.

— Говорю тебѣ, налимъ!.. ворчитъ онъ.

Дѣвченки въ кустахъ притаились, едва дышутъ; сердце Таньки стучитъ, а на глазахъ у нея слезы...

Дяденька Василій неторопливо достаётъ корзину...

— Господи Иисусе! бормочетъ онъ—и впрямь судакъ! Кумъ, а кумъ?..

— Ась? отзывается кумъ, наклоняясь надъ рыбой.

— А и впрямь, говорю,—судакъ!—уже сердито говоритъ дяденька Василій.—Что же это, навожденіе, что-ли? Поймалъ, будто, налима, а вышелъ судакъ!..

— Въ Волгѣ налимъ твой! задорно тараторитъ тетушка Марья,—говорю тебѣ еще въ Волгѣ плаваешь, да тебя дожидается...

Дяденька сердито косится на жену—что моль толковать съ бабой!..

А въ это время, какъ стая напуганныхъ воробьевъ, вспорхнули изъ-за кустовъ дѣвченки, и со смѣхомъ и визгомъ разсыпались въ разныя стороны и вмигъ исчезли въ густой зелени ивняка.

— Держи ихъ, держи! кричитъ кумъ, догадавшись, въ чемъ дѣло!

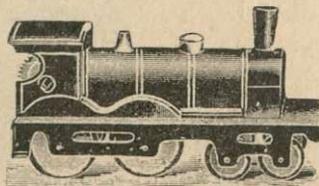
А дѣвченки уже далеко.

Онѣ снова лѣзутъ въ воду, снова смѣются. И еще долго слышатся ихъ звонкіе голоса.

А солнышко уже перекатилось на другую сторону и ласково улыбается...

Оно все знаетъ, но не скажетъ никому.

А. І. Н.

РЕБУСЪ № 11.

Дѣдушка, бабушка, отецъ, мать и шестеро дѣтей.

ШАРАДА

Возьмите часть смолы и мѣсто, гдѣ
родились,
Сложите вмѣстѣ ихъ, конечно, на
словахъ,
И сдѣлайте вы такъ, чтобъ получи-
лись
Кустарники, растушіе въ садахъ.

* *
*

На нихъ бывають ягоды; изъ нихъ
варягъ варенье,
То черное, то бѣлое, то цвѣта розъ.

Рѣшайте-же скорѣй: что это? Безъ
сомнѣнья,
Вы видѣли хотъ разъ, какъ этотъ
кустикъ росъ.

* *
*

Весною онъ цвѣтетъ довольно не-
красиво,
Но листь его такой имѣетъ аромать,
Что въ огурцы его кладутъ, въ на-
стойки, въ пиво
И даже изъ него зеленый квасъ ва-
рягъ.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти
ребусъ и шараду, будутъ напечатаны).

*Рѣшеніе ребуса помѣщенного въ № 19 «Золо-
того Дѣтства».*

На + с + ту пила тем + нота и ту мандоли-
на + ми по + п + лыль къ въ + о + сто + ку. —
Наступила темнота и туманъ долинами поплыль
къ востоку.

Вѣрное рѣшеніе прислали: Боря Вишняковъ
со ст. Новохованскъ. Марія и Боря Діамантиди
въ Ростовѣ-на-Дону, Тамара Култышкина въ
Витебскѣ, Коля Лажечниковъ изъ Москвы, К.
Ротманъ въ Армавирѣ, Павелъ Полищукъ со
ст. Оратово, Миша Колбасевъ въ Гатчинѣ,
Лиля и Галя Чарскіе въ Верхнеудинскѣ, В. Сви-
ридовъ со ст. Михайловка, Клавочка Штіопуло
въ Кишиневѣ, Михайль Майборода въ Екате-
ринославѣ, Шура Судовскій изъ Калача, Ан-
дрюша Федотовъ—донской казачокъ въ Ново-
черкасскѣ, Коля Липинъ въ Самарѣ, Нюша Си-
нявина въ СПБ. Валюня и Мишель Чубуковы
въ Кожушнѣ Бессар. г., Эммануиль Каяловъ
въ Ростовѣ на Дону.

*Вѣрныя рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ № 18
«Золотою Дѣтства», прислали: Жоржикъ Оси-
повъ изъ Тифлиса и Юлій Трофимовъ изъ Вло-
димицкаго завода Вятской губ.*

➡ КЪ СВѢДѢНІЮ Г.Г. ПОДПИСЧИКОВЪ. ➡

Редакція журнала «Золотое Дѣтство» переведена на Матвѣевскую ул., д. 3,
въ С.-Петербургъ, куда и просятъ адресовать рѣшенія ребусовъ, шарадъ и проч.